

Г.Б. Слюозберг

**Дореволюционный строй
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Б. Слиозберг**
Дореволюционный строй России / Г.Б. Слиозберг – М.: Книга по Требованию,
2013. – 303 с.

ISBN 978-5-8850-7344-8

ISBN 978-5-8850-7344-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Больше 16 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ прежній административный, политическій и правовой строй, постепенно налаженный въ теченіе сотенъ лѣтъ въ обширной имперіи подъ прежнимъ режимомъ, въ нѣсколько часовъ полностью былъ разрушенъ, можно сказать, безъ слѣда. Выросло поколѣніе русскихъ, которое съ трудомъ можетъ себя представить и уяснить, каковъ былъ этотъ строй. Да и многіе, принадлежащіе къ старшему поколѣнію, не всегда были осведомлены о разныхъ сторонахъ правовой жизни Россіи, и многое изъ знакомаго имъ прошло нынѣ затуманено въ ихъ сознанин.

Обширная, множащаяся мемуарная литература отмѣчаетъ разные явленія прежней жизни въ Россіи, но преимущественно тѣ, изложеніе коихъ представляетъ собою сенсацію. Можно утверждать, что эта литература больше занята тѣмъ, что можно назвать «распутинствомъ», чѣмъ изложеніемъ здоровыхъ и, если не вполне здоровыхъ, то все же болѣе или менѣе естественныхъ проявленій русской государственности. Мало осталось такихъ, кто знаетъ, какова была роль въ развитіи Россіи культурнаго элемента, объединяемаго понятіемъ «интеллигенціи», — интеллигенціи не революціонной, а либерально-прогрессивной. Забыта, можно сказать, вся огромная дѣятельность земскихъ и городскихъ самоуправленій, которая встрѣчала затрудненія въ своемъ проявленіи при прежнемъ режимѣ. Мало кто помнитъ и оцениваетъ великую работу по укрѣпленію законности и общей культуры, совершенную судебными дѣятелями въ теченіе болѣе 50 лѣтъ. Уже мало и такихъ, кто оцениваетъ значеніе главнаго фактора россійской жизни, а именно обособленности и отчужденности отъ общей государственности и культуры крестьянскаго населенія, т. е. огромнаго большинства русскаго народа.

Но вполне изумительнымъ представляется абсолютное не-

знаніе прежней Россіи у иностранцевъ, проявляющихъ, однако, интересъ къ ней. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить интеллигентныхъ французовъ, американцевъ, англичанъ и другихъ, которые не имѣютъ представленія ни о Государственной Думѣ, ни о дѣятельности общественныхъ организаций, ни о правосудіи въ Россіи, стоящемъ столь высоко, и т. д. Они представляютъ себѣ прежнюю Россію, какъ поле одного лишь господства абсолютнаго произвола, деспотіи, въ сравненіи съ которой и большевицкій режимъ представляется имъ чуть ли не освобожденіемъ.

Эти обстоятельства побудили автора подлежащаго этюда изобразить, не въ цѣляхъ апологіи, а, въ порядкѣ простаго изложенія, истинное положеніе вещей до революціи, изображеніе наиболее важныхъ сторонъ государственной, административной и правовой жизни Россійской имперіи до революціи.

Эта работа не представляетъ собой компіляціи изъ учебниковъ или другихъ спеціальныхъ источниковъ. Авторъ воздержался отъ изложенія частичныхъ подробностей относительно тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены слѣдующія за введеніемъ 20 главъ этой книги. Но все, что здѣсь изложено, является плодомъ непосредственнаго и, да позволено будетъ думать, близкаго знакомства съ этими предметами. Въ практической, въ теченіе болѣе 35 лѣтъ дѣятельности, въ качествѣ юриста, автору пришлось непосредственно наблюдать работу разныхъ учреждений и дѣйствіе институтовъ публичнаго права въ Россіи и изучить ихъ внутренний характеръ.

Въ введеніи читатель найдетъ общій обзоръ и характеристику государственнаго и культурнаго состоянія родины, вплоть до революціи. Авторъ воздерживался отъ историческихъ изысканій и изъ прошлаго приводитъ лишь то, что, казалось, можетъ служить объясненіемъ послѣдней стадіи развитія изображенныхъ имъ публично-правовыхъ институтовъ. Онъ проникнутъ былъ сознаніемъ значенія русской интеллигенціи въ развитіи государственной жизни Россіи, которая, несмотря на сдерживающія силы, все-таки вела къ прогрессу.

Для составленія настоящей книги автору оказано было содѣйствіе княземъ Сергѣемъ Платоновичемъ Оболенскимъ (Нью-Йоркъ), давшимъ возможность составить французскій и англійскій текстъ ея, которые готовятся къ печати. Пусть онъ найдетъ здѣсь выраженіе искренней признательности ав-

*тора и дань признанія его просвѣщеннаго патріотическаго на-
строенія, достойнаго вѣрнаго сына Россіи.*

*Этотъ трудъ посвящается памяти всѣхъ погибшихъ и
замученныхъ большевиками сыновъ Россіи. Онъ составленъ при
неуклонномъ убѣжденіи автора, что въ Россіи было за что при-
нести жертвы, что тѣ, которые боролись противъ разру-
шеній большевизма, боролись не за тѣмъ, а, напротивъ того, за
тѣмъ лучи, которые просвѣчивались сквозь туманы прежняго ре-
жима, заставлявшій иногда прогрессъ.*

Г. Слюзбергъ.

Іюль, 1933 г.

Bagatelle

C-ne Veigné.

(I. et L.).

ВВЕДЕНИЕ

1. Культура высших классов и отсутствие ея въ народных массахъ. Либерализмъ интеллигенции.

Культурное состояніе народа не измѣряется одною средней культурностью всѣхъ слоевъ, образующихъ данный народъ. Достаточно, чтобы одинъ элементъ, какъ бы высшій слой, заключалъ въ себѣ крупныя культурныя факторы, чтобы общее культурное состояніе народа могло оцѣниваться высоко, не столько по фактическому распространенію и обладанію этой культурой массами, сколько по потенциальности внѣдренія культурныхъ началъ въ низшіе слои, хотя бы постепенно и путемъ длительного процесса. Сливки поднимаются вверхъ, толщина слоя сливокъ характеризуетъ качество всего молока. Въ особенности надо различать культурныя факторы въ верхнихъ слояхъ отъ культурнаго состоянія всего народа въ тѣхъ странахъ или у тѣхъ народовъ, у которыхъ, по историческимъ условіямъ ихъ развитія, произошло раздѣленіе на отдѣльныя классы или сословія, или касты и гдѣ такое раздѣленіе сохранилось въ данный историческій моментъ. Одно сословіе вслѣдствіе историческихъ причинъ, легкости абсорбированія чужихъ культурныхъ началъ, въ зависимости отъ способности приспособленія старыхъ, исконныхъ народныхъ формъ къ новымъ, позаимствованнымъ, можетъ, но только на внѣшній взглядъ, жить совершенно особой жизнью, не имѣющей какъ будто ничего общаго съ жизнью народныхъ массъ, образующихъ другія низшія сословія. Происходитъ процессъ аналогичный процессу роста дерева и несенія имъ плодовъ послѣ прививки къ нему части высшей культуры. Но нельзя привить сучокъ высокой культуры одной особи, на примѣръ сливы, къ дереву другой категоріи, скажемъ, къ грушѣ. Не будетъ имѣть успѣ-

ха прививка, если яблоня, подвергающаяся прививкѣ, имѣетъ слабые и больные корни, не способные развить надлежащій стволъ и соотвѣтственную листву. Такъ и въ отношеніи культуры. Если среди негровъ имѣются уже въ настоящее время нѣкоторые культурные элементы, то они не облагораживаютъ собой всей массы негровъ, живущихъ на одной территоріи; привитые элементы остаются чуждыми состоянію самого дерева съ гнилыми корнями, съ искривленнымъ, больнымъ стволомъ. И напротивъ того: если въ какомъ-нибудь народѣ хотя бы одинъ только верхній слой представляетъ собою нѣчто культурное и это культурное даетъ окраску всей народной жизни, вліяя на формы общежитія, на социальныя условія, на экономическій ростъ, то хотя огромное большинство народа не проявляетъ еще признаковъ этой культуры, еще имъ не усвоенной, можно съ увѣренностью сказать, что прививка умѣстна, что она принялась и встрѣтила благодарную почву въ здоровомъ состояніи корней, въ удовлетворительномъ состояніи почвы, въ нормальномъ ростѣ ствола, въ нормальномъ развитіи листвы, какъ результатъ вліянія біологическихъ, климатическихъ причинъ.

Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи даетъ Россія, т. е. русскій народъ. Реформы Петра Великаго и осуществленная имъ, насильственная прививка началъ западно-европейской культуры коснулась одной только части русскаго народа — служилаго класса, боярства или дворянства. Вся колоссальная энергія, примѣненная Петромъ, не была экспансивной въ той же мѣрѣ, въ какой она была интенсивной. Уже въ его время ясно было, что для развитія культуры необходимы школы, насажденіе грамотности. Но мы не видимъ, чтобы Петръ Великій насаждалъ народныя школы. Насильственно насаждаемая имъ культура была чисто внѣшней, формальной и вовсе не потому, что Петра Великаго можно было бы подозрѣвать, что онъ недостаточно оцѣнивалъ содержаніе въ сравненіи съ формой, чтобы онъ не понималъ, что культура въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее насаждалъ, могла или должна быть удѣломъ лишь кучки, а не всей массы. Но онъ сознавалъ, а можетъ быть, и бессознательно чувствовалъ, что и его гигантской энергіи не хватило бы на то, чтобы превратить безграмотный народъ въ грамотный въ теченіе ко-

роткаго періода и подъ вліяніемъ дубинки. Онъ понималъ, что культурное содержаніе можетъ образоваться и развиться лишь постепенно, — а онъ спѣшилъ. Онъ понималъ, быть можетъ, правильно, что надо создать раньше формы, а внутренняя жизнь сама наполнить эти формы надлежащимъ содержаніемъ. Невольно приходитъ въ голову мысль объ аналогіи между процессомъ созиданія формъ и содержанія культуры съ формами и содержаніемъ нормъ права. Въ міровой исторіи можно констатировать, какъ общее явленіе, то, что во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ судопроизводственные порядки создаются раньше самихъ правовыхъ нормъ, нормирующихъ поведеніе чловѣка. Судъ старше права. Судъ создаетъ право. Только при условіи личности суда возникаютъ нормы права. Ноахиды, — потомки Ноя, не исповѣдывая единобожія, не исключались, по ученію юдаизма, изъ круга тѣхъ, которые могутъ быть «справедливыми», если они подчиняются семи завѣтамъ, въ числѣ коихъ имѣется и принципъ судоустройства, — ибо только онъ можетъ дать гарантію развитія права, т. е. нормъ организованнаго чловѣческаго общежитія. На первый взглядъ казалось бы, что процессъ долженъ былъ бы быть обратный: сначала должны созидаться нормы, должна проникнуть въ народное сознаніе необходимость принудительности этихъ нормъ, а затѣмъ явиться форма осуществленія принудительности черезъ судебные органы, дѣйствующіе по определенному порядку, долженствующему, по мнѣнію создателей этого порядка, гарантировать правильное примѣненіе принудительныхъ нормъ, т. е. осуществленіе правосудія. Въ дѣйствительности, однако, имѣеть мѣсто обратное. Говоря языкомъ Аристотеля: матерія одна не создаетъ конкретныхъ предметовъ, доступныхъ нашему сознанію; прежде, чѣмъ матерія превращается въ предметъ, она должна найти уже готовую форму, ранѣе существовавшую. Прежде чѣмъ норма права создается, долженъ быть аппаратъ, который творить эту норму, извлекаетъ ее изъ глубинъ народнаго сознанія и кристаллизуетъ это сознаніе въ опредѣленныя формулы, которыя, бывъ обобщены, являются нормами права, а таковыя, благодаря примѣненію ихъ со стороны суда, становятся принудительными нормами. Такъ поступилъ и Петръ Великій. Онъ создалъ и своей желѣзной волей навязалъ культурныя фор-

мы, позаимствованныя съ Запада. И когда эти формы были навязаны, онѣ постепенно наполнялись содержаніемъ, и при томъ — такимъ содержаніемъ, которое является не продуктомъ, насильственно навязаннымъ, вмѣстѣ съ формой, а продуктомъ народныхъ корней и ствола, выдѣленнаго изъ этихъ корней, и той подвергшейся прививкѣ части, которая, будучи только формой, проникала въ существо живыхъ соковъ дерева и давала облагороженные плоды, культурные уже не только по формѣ, но и по содержанію. Если бы русскій народъ, какъ таковой, не содержалъ въ себѣ въ его характерѣ, въ самобытности его натуры, элементовъ, способныхъ къ облагораживанію, то никакая энергія и не только одного Петра, но и многихъ, не могла бы предупредить, чтобы формы, насильственно привитыя, не омертвѣли быстро, не оставляя никакихъ слѣдовъ на народномъ организмѣ, ни въ его низахъ, ни въ его верхахъ.

То, что началось при Петрѣ Великомъ, и продолжалось далѣе, характеризуетъ собою и новѣйшее время въ исторіи русскаго народа. Нигдѣ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не такъ разительна разница между верхними и нижними слоями въ одномъ и томъ же народѣ. Когда Петръ Великій насильственно стригъ бороды своихъ бояръ, бороды лицъ низшихъ слоевъ благополучно произрастали, не подвергаясь никакимъ насильственнымъ сокращеніямъ. Когда имъ искусственно насаждалась табель о рангахъ и создавалась бюрократическая или чиновничья іерархія, то такой іерархіи не замѣчалось въ народной жизни. Тамъ попрежнему всѣ именовали другъ друга «батюшками», роль правителей играли «старики» и жизнь шла «по пошлинѣ», т. е. по старымъ традиціямъ и обычаямъ.

Перенесемся приблизительно на два столѣтія впередъ — къ моменту освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне стали свободны. Сравните жизнь этихъ свободныхъ людей съ жизнью въ то же время высшихъ классовъ — дворянства или высшихъ элементовъ городского сословія. Никакой видимой связи, никакого видимаго родства. Здѣсь проникновеніе эстетическимъ поклоненіемъ красотѣ; созданіе всемірныхъ образцовъ литературы и искусства; тамъ — безграмотность многихъ милліоновъ населенія. Быстрое движеніе впередъ науки на вер-

ху и темная, нивеллируемая «міромъ» или общиной, жизнь внизу. Когда въ столицахъ и большихъ городахъ издавались толстые журналы, и печатный станокъ неутомимо работалъ, воспроизводя безсмертныя творенія Толстого, Достоевскаго, Тургенева и другихъ, когда Менделѣевъ изобрѣталъ свою химическую теорію, а Павловъ занимался біологіей, професоръ Лобачевскій создавалъ свою геометрію, параллельную геометрію Эвклида, когда наши университеты наполнены были студентами, для которыхъ не хватало мѣста, — народъ въ общемъ коснѣлъ въ темнотѣ въ самыхъ примитивныхъ формахъ жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ, кто знаетъ русскую жизнь не можетъ не отмѣтить явленія, которое объясняетъ многое въ жизни и развитіи русскаго народа.

Крестьянскія дѣти въ нѣжномъ возрастѣ 7-8 лѣтъ стали поступать въ школы, изъ семействъ, среди которыхъ они не могли привить себѣ безсознательнымъ, механическимъ дѣтскимъ путемъ понятіе о книгѣ, о письмѣ, о чтеніи. Въ ихъ семьяхъ ни отецъ, ни мать, ни старшіе члены семьи не имѣли никакого отношенія къ грамотности, — дѣти природы, которая являлась ихъ единственной учительницей. Эти дѣти въ теченіе одного года элементарнаго сельскаго обученія, безъ примѣненія тонкихъ педагогическихъ приемовъ, а даже часто путемъ самага примитивнаго метода преподаванія, становятся вполне грамотными, научаются излагать мысли на письмѣ, понимаютъ поэтическія произведенія, а затѣмъ, въ слѣдующіе годы обученія, съ необычайной быстротой усваиваютъ начала элементарнаго образованія, приспособливаютъ свои знанія къ окружающей жизни. Они сами себѣ изготовляли астролябіи. Дѣти, еще пару лѣтъ тому назадъ не только безграмотные, но совершенно далекіе отъ грамотности въ своей средѣ, ловко оперировали сооруженной астролябіей, примѣняли приемы, не столько внушенные обученіемъ, сколько создаваемые ихъ творческими способностями и дѣлали правильныя измѣренія площадей. Изъ этихъ низовъ, конечно, выдѣлялись единицы, которыя проникая постепенно въ высшіе слои, обогащали ихъ новыми народными соками, крайне воспріимчивыми къ условіямъ даже самой высшей культуры. Между безграмотнымъ народомъ, живущимъ въ первобытныхъ условіяхъ внѣшней

обстановки, со своими особенными, тоже примитивными, потребностями, и верхними слоями невидимо для глаз устанавливалась связь. Вся эта масса своими корнями питала верхнюю часть дерева. Народные элементы, наилучше приспособленные, наиболее одаренные, проникали вверх, образуя здоровый культурный слой. Таков Ломоносов — эта эмблема связи народной жизни с высшей культурой.

Полное несоответствие культурного уровня высших слоев и народных масс, т. е. крестьянства, осталось разительным до конца и в течение полутора веков не только не сглаживалось, но, с ростом культуры еще больше обострялось. Высший слой быстро усваивал общекультурные начала, наполнил богатым содержанием первоначально пустые формы внешней культуры. Пропорция между состоянием его и культурностью населения, которое дало, правда, некоторые шаги вперед, давала все больший коэффициент различия. Как это объяснить? Каковы были причины этого непонятного — на первый взгляд, явления? Почему прогресс шел непараллельно между этими двумя неравномерными по количеству частями?

Было бы, конечно, слишком долго и требовало бы больших исторических изысканий, раскрыть полностью те обстоятельства, которые влияли на образование такого расхождения. Но необходимо указать на некоторые главные явления.

После Петра, в течение целой половины века, воспринимались высшим слоем внешние культурные формы. Двор Елизаветы имел вид, напоминающий двор Людовика XV. Золоченые мундиры, напудренные парики, перчатки, модные танцы, стремление к внешней выжливости. Все это были формы без содержания. Кавалеры, продельвавшие на балах модные па менюэтовъ, часто были неграмотны. Чиновничество, обладая властью, было невежественно. Отсутствовало движение идей. Да и самих идей не было. И за внешней формой скрывалась грубость нравов, невежество и индифферентизм — общественный и политический. Некоторое содержание начинает заполнять эти, по виду, европейские формы со времени царствования Екатерины II. Наряду с внешним оказательством,